

ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА

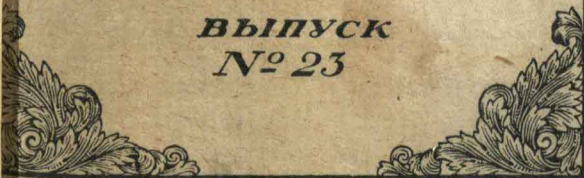

В 719 ~~Франция~~

ВОЛЬТЕР *Франция*

БЕЛЫЙ БЫК

ВЫПУСК
№ 23

ПЕТЕРБУРГ
МСМХІХ

ВОЗВРАТИТЕ КНИГУ ЧИ ПОЗЖЕ
ОБОЗНАЧЕНИЕ

718
8
Вып. № 23.

ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА

ВОЛЬТЕР

X VOLTAIRE

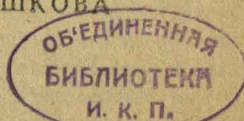
— 1694—1773 —

БЕЛЫЙ БЫК

ПОД РЕДАКЦИЕЙ И
С ПРЕДИСЛОВИЕМ
Ф. Д. БАТЮШКОВА

400

B. 70

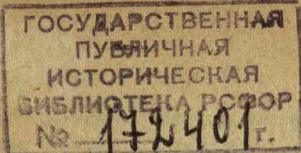

472401 ✓

П Е Т Е Р Б У Р Г

— 1 9 1 9 —

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА“
при Народном Комиссариате по Просвещению

ПРЕДИСЛОВИЕ.

В глубокой древности, в ту пору, когда человеческий род, может быть, еще не разделялся на разноразличные племена, а жил единокровно и слитно среди дремучих лесов и неизмеримых болот, окруженный грозными явлениями враждебной ему природы, — в это темное время разум людей, еще слабо вооруженный опытом жизни и потому неразвитый, был бессилен уловить различие между действительностью и трепетной игрой непрерывно возбуждаемого, напуганного воображения.

Теперь, когда люди стали умнее, опытнее, они, наблюдая смену и повторяемость различных явлений, приняли эту повторяемость, как непоколебимые законы природы, создали науку, которая все более мощно помогает им подчинять силы стихии — земли, воды, огня, воздуха — своим жизненным интересам, своей трудовой, созидательной воле.

Но во дни своего младенчества человек, не знавший закона тяготения, видя камень, подбитый горным ручьем или оторвавшийся от горы силою своей тяжести и стремительно

летающий вниз,—думал, что этот камень сорван и брошен чьей-то невидимой, могучей рукою; видя, как молния зажгла сухое дерево или смолистую сосну, полагал, что это сделано волей существа, недосыгаемого взорам людей; видя, как его одноплемянник утопает в трясиине болота или в реке,—верил, что в реке и болоте живут, опять таки, невидимые человеку, враждебные ему существа. Ушибив ногу о корень дерева, он винил в этом дерево, точно также, как в наши дни ребенок, ударившись о стол, сердится на него.

Днем и ночью вся жизнь первобытных людей была исполнена явлений, непонятных разуму: кусок глины, упавший в воду, растворялся в ней и как-бы исчезал; огонь превращал дерево в пепел, а иногда камень—в жидкость, ветер разрушал шалаш, вода уничтожала огонь—во всем таинственно скрывалась неведомая, непонятная сила. Эти взаимоотношения вещей и сил природы ныне являются предметом изучения для наук химии и физики, а в древности они, возбуждая напуганную фантазию людей, понудили их олицетворить все, окружавшее их, придать всем веществам и силам природы свои, человеческие, качества и чувства—любовь и мстительность, злобу и коварство, нежность и способность мышления.

Так, силою своего воображения, силою духа

своего, человек одушевил гром, молнию, воду и огонь, камни и деревья, цветы, злаки, животных и зверей. Все, окружавшее человека, казалось ему живым, думающим, чувствующим и действующим во вред или на пользу людям, вся природа жила—в его мыслях—такой-же трудной, опасной жизнью, какой была его жизнь, исполненная борьбы.

Когда-то на земле жили полуптицы-полужаберы, летавшие в воздухе, быть может, еще в те дни, когда человек только что превратился из четвероногого животного в двуногого; а может быть, человек уже не застал этих чудовищ живыми, а только по костям их создал образ крылатого змея; далее он связал этот образ с грозовой тучей, лежащей на вершине горы, сверкая молниями, и, несомненно, отсюда у него создалось представление о Змее-Горыныче, о драконе, который дышит огнем, зажигая леса и сухие травы лугов. Этим путем, превращая каждое явление в разумную личность, каждое механическое или химическое соотношение веществ в сознательное действие, человек насыщал все физические и химические явления природы силою своей фантазии и творил из духа своего бесчисленное множество божеств злых и добрых, населяя ими леса и воды, небо и пропасти, горы и болота. Идя все дальше путем возбужденного воображе

ния, он создал множество рассказов о жизни, привычках, характерах и целях этих невидимых, могучих богов—детей его духа, созданных им „по образу и подобию своему“.

Рассказы эти называются по-гречески „мифос“—миф; по-русски это значит речь, рассказ. В создании мифов принимали участие не только отдельные поэтически-одаренные и умственно-выдающиеся люди,—мифы суть творчество народа, коллективное выражение его верований, понятий, надежд, рожденных в глубокой древности. Гениальные люди: Гезиод, Гомер—у греков, Овидий Назон—у римлян, великомерно собирали эти мифы в одно целое, и такие поэмы, как „Прометей“ и „Тестония“ Гезиода, „Иллиада“ и „Одиссея“ Гомера, „Метаморфозы“ Овидия, являются, по сущности своей, таким-же священным писанием, каковы „Пятикнижие“ Моисея, Евангелия апостолов Христовых, Коран Магомета и прочие великие книги человечества. На почве мифов возникли все религии, враждебно раз'единяющие человечество, а также и науки, победоносно соединяющие духовные силы всех народов и стран в единую, мощную волю, цель которой—освобождение человека из под власти природы, победа над ее тайнами, искоренение в самом человеке его древних, животных начал, которые он унаследовал от своих звероподобных предков.

Одна из старейших и наиболее стройно созданных религий—египетская, но ей предшествовала древне-иудейская, многие рассказы которой попали в Библию; одна из самых богатых по количеству, разнообразию и красоте преданий—древне-греческая мифология, которая была воспринята римлянами, взявшими ее у греков целиком, изменив только имена богов и богинь.

Вольтер соединил древние предания трех различных вероучений: египетского, греческого иудейского, и сплел из них искусно сказку.

В старину верили, что людей можно обращать в животных*), и Вольтер выставляет царевича Навуходоносора, который, будучи превращен волшебством в Белого быка, должен был в таком состоянии пробыть семь лет. Это служит испытанием верности и постоянства чувства любви египетской царевны Амазиды, которая любила Навуходоносора, когда он еще был человеком, и не хочет изменить ему даже тогда, когда узнает его в образе быка. Почему Вольтер выбрал превращение именно в быка? Дело в том, что бык играл большую роль в духовном обиходе первобытного человека: он казался людям наиболее мощным и,

*) Глухая вера в оборотней и до сей поры жива в русских деревнях.

в то же время, кратким воплощением производительной силы.

Египтяне поклонялись быку, почитая его священным животным; они видели в нем воплощение божественной силы и помещали быка, названного Аписом, в особом храме, где за ним ухаживали жрецы и где народ поклонялся ему. Этот бык Апис должен был непременно быть черным, с особо расположенными крапинками, и когда умирал один Апис, на смену его подыскивался другой, во всем похожий на прежнего. Богиню плодородия Изиду египтяне изображали в виде коровы. После исхода из Египта евреи в пустыне воздвигли, как говорит Библия, алтарь тельцу,—это была, вероятно, попытка принять религию египтян; и у древних греков бык тоже неоднократно упоминается в их мифах. Верховный бог их, Зевс, которого римляне называли Юпитером, обратился в быка, когда задумал похитить с земли понравившуюся ему девушку, дочь финикийского царя, по имени Европа. Бык приласкался к Европе, потом на своей спине увез ее и, наконец, приняв облик прекрасного юноши, женился на ней. Другая греческая богиня Пасифая, дочь Солнца и Персеиды, тоже полюбила быка, от которого родился у нее сын-чудовище, наполовину человек, наполовину зверь, с бычьей голо-

вой. Звали его Минотавр; он пожирал людей, требуя все новых и новых жертв, пока его не убил герой, по имени — Тезей. Иногда людей обращали в быков в виде наказания: так, богиня любви Афродита — у римлян Венера — рассердившись на жителей острова Крита — церастов за их жестокое обращение с приезжими чужестранцами, которых они убивали, так что их руки всегда были окровавлены, — обратила их в быков.

Итак бык считался в восточных верованиях показателем физической силы, воспроизводившей жизнь, и потому ему придавали особое, священное значение. Так, в одной из религий Востока, которая признавала верховным началом Великую Матерь, существовал обряд так называемой „Кровавой бани“, производимой орошением кровью быка. „Этот обряд, — пишет г. Николаев, в своем интересном труде о влиянии религий Востока на христианство *), — имел значение очистительной жертвы, — как-бы христианского крещения, омывавшего от всякой скверны; заключался он в том, что посвященного опускали в особо устроенное углубление, прикрытое сверху досчатым полом с широкими щелями; на этих досках затем совершалось за-

*) См. Юрий Николаев. В поисках за божеством. СПб. 1912, стр. 27.

клание быка, при чем вся кровь стекала вниз и орошала адепта *). Облитый с головы до ног кровью показывался он потом ликующей толпе. Этим кровавым крещением человек как бы обожествлялся, возрождаясь к новой жизни."

Автор указывает, что орошение кровью закланного быка, заменяло в древнем мире приобщение и сближение с Божеством путем восприятия частицы, что у христиан выражается в таинстве причастия. "Образ быка занимал выдающееся место в символических ***) обрядах всех азиатских культов", — замечает далее г. Николаев. — "То бык обожествлялся и ему воздавали божеские почести, как, например, в Египте; то божество изображалось в виде быка или хотя бы просто с рогами на голове... Повидимому, в основе изображения египетской богини Изиды тоже с коровьими рогами на голове лежало старо-халдейское сказание о создании мира из крови убитого быка". "Внутренним смыслом этого образа была идея быка, как производителя и символа плодородия и, вообще, материальной мощи, идея, противопоставляемая понятию о духовной мощи,

*) Посвященного.

**) Символический, т. е. показательный, несущий другой смысл, кроме буквального значения. Так, например, крест служит символом христианства, понятие о значении орудия казни И. Христа; полумесяц — мвол му султанства и т. п.

о силе духа, побеждающего материальный мир". В другом вероучении, распространенном среди древних персов и называемом "митраизм", по имени верховного божества Митра, в которого верили поборники этого учения, сам Митра, — юный бог Света, представлялся закалывающим быка, как олицетворение противоположного понятия — темного, материального, плотского мира.

Вследствие такой распространенности верований и представлений о священной роли быка в восточных религиях, Вольтер и остановился на его образе в сказке о превращении Навуходоноссора.

Вера в превращения людей в животных была тоже очень распространена в языческих религиях, и отсюда особое почитание, которое оказывали зверям, служившим изображениями богов. В библейских рассказах звери тоже играют значительную роль, и Вольтер сопоставил с египетскими верованиями разных зверей, о которых упоминается в Библии и которые либо говорили по-человечески, либо принимали участие в каком-нибудь совершенном чуде. Так, выводится автором змей, который, как известно по Библии, беседовал с Евой и соблазнил ее отведать плодов дерева познания добра и зла. У Вольтера этот змей беседует с царевной Амазидой. Имеется и ослица Ва-

лаама, которая по библейскому преданию заговорила человеческим языком.

И других библейских зверей называет Вольтер, указывая этим на общность и связь разных древних верований, между которыми много сходного.

Чтобы оттенить преемственность первоначальных верований, Вольтер выставил старуху и евнуха—скопца—которым будто бы каждому по несколько сот лет. Старуха, стерегущая быка и библейских зверей, будто бы та самая прорицательница, к которой когда то обратился царь Саул в городе Эндоре, чтобы вызвать тень Самуила.

В Мамбресе же, по рассказу Вольтера, словно продолжал жить представитель тех магов, с которыми вступал в спор Моисей еще до исхода из Египта.

На многие другие библейские рассказы намекает Вольтер, ссылаясь, как указано, мифические предания разных народностей, чтобы подчеркнуть сходство между ними. Выступают и три библейских пророка, в соответствии с которыми названы три египетских божества—Изида, Озирис и Гор. Об Изиде мы уже говорили; Озирис сын земли и неба, муж Изиды, царствовал в Египте и научил египтян земледелию, ремеслам, врачеванию и т. п. Его загубил родной брат его Сет, который выступил

его противником; Сет привез сундук прекрасной работы и обещал подарить его тому, кому он придется по росту. Озирис примерил его, и сундук как раз пришелся по нем, так как для него и был сделан. Сет тотчас запер брата в сундуке и бросил в Нил. Но Изиды разыскала гроб Озириса и, хотя потом Сет разрубил его на 14 частей, она собрала их и на месте нахождения каждой части воздвигла по храму, так что Озирис почитался во всем Египте. Гор, сын Изиды, рожденный после смерти Озириса; он выступил мстителем за отца, а потом вступил на царство и правил египтянами триста лет. Ему последовал Тот, олицетворявший мудрость, а за ним Маат—воплощавший справедливость. Во всех этих сказаниях, перечисление которых заняло бы целую книгу, выражались первоначальные верования народностей древнего Востока, и Вольтер использовал только некоторые черты, чтобы заново пересказать их под видом сказки.

„Без сказок не обойтись“,—писал Вольтер.— „Только рассказывая сказки, можно иметь успех в обществе“. Это присходит потому, что люди словно боятся правды, недолюбливают ее или неспособны ее воспринять и склонны тешить воображение сказками, в которые охотно верят, находя в них то, что им нравится, чем они, мороча других, могут пользоваться для своих

целей. Змей рассказывает сказки Амазиде, чтобы развлечь ее. Но она его останавливает, когда он принимается за такие рассказы, которые казались занятными в старину, пра-прабабушкам, и предъявляет другие требования к сказке.

Вольтер устами Амазиды указывает, что разум уже одерживает верх над многими прежними суевериями и предрассудками; что науки сделали большие успехи, и многие древние верования стали казаться грубыми, смешными, хотя в них ясно видна сила воображения народа, его поэтическое чувство и трепет его фантазии, возбужденной непонятными явлениями природы. Нужно смотреть на преданья старины действительно, как на сказки, а не слепо доверять им, уклоняясь от познания истины; какой бы она ни представилась — хорошей или дурной, т. е. неприятной для нас, но истина должна быть выше всего. Сказка может остаться, служа занимательной формой для изложения какой-нибудь истины, которая легче усваивается, когда ее преподносят в виде интересной истории, хотя бы и вымышленной. „Я желала бы, — говорит Амазида, — в особенности, чтобы под баснословным покровом в сказке скрывалась утонченная истина, заметная лишь изощренному глазу“. Такие сказки писал и Вольтер, а чтобы раскрыть

какого рода „утонченная истина“ скрывается в его повествованиях под баснословным покровом, пусть догадывается сам читатель, изощря свой глаз и вскрывая тот внутренний смысл который заложен в сказке.

Ф. Батюшков.

БЕЛЫЙ БЫК.

Перевод с сирийского языка Мамаки *), состоящего переводчиком с восточных языков при ассирийском короле.

Глава первая.

О том, как принцесса Амазида встретила быка.

Молодая принцесса Амазида, дочь Амазиса, царствовавшего в египетском городе Танисе, прогуливалась с дамами своей свиты по дороге в Пелузу. Она была грубо печальна, и слезы текли по ее щекам. Причина ее печали была известна; все знали также, что эта печаль раздражает короля-отца и принцессе приходится скрывать ее. В прогулке участвовал также старый евнух Мамбрес, исполнявший когда-то должность мага при фараонах, а теперь почти не расстававшийся с Амазидой. При нем она родилась, он воспитал ее и научил всему тому из мудро-

*) Конечно, вымышленное имя, как выдуманно Вольтером и то, что его сказка будто бы переведена с сирийского языка.

сти египетской, что позволительно знать прекрасной принцессе. Ум Амазиды равнялся ее красоте, ее нежности и чувствительности, стоившей бедной принцессе таких горьких слез.

Амазиде было двадцать четыре года, магу Мамбресу около тринадцати столетий. Именно он, как известно, вел с великим Моисеем знаменитый диспут, в котором победа долго колебалась, склоняясь на сторону то одного, то другого из этих философов. Если Мамбрес был побежден, то потому только, что небесные силы явно покровительствовали его противнику. Чтобы победить Мамбреса, понадобилось вмешательство богов. Время ослабило ум, столь возвышавшийся над другими умами, и мощь, сопротивлявшуюся мировой власти; но в нем осталось еще много здравого смысла; он походил на громадные здания в древнем Египте, развалины которых свидетельствуют об их величии. Мамбрес еще вполне годился для совета и, хотя был староват, но обладал сострадательной душой.

Амазис поручил ему главное управление двором своей дочери, и старый маг выполнял эту обязанность со своей обычной мудростью. Жалобы прекрасной Ама-

зиды его трогали.—О, мой возлюбленный,—воскликнула она!—Мой дорогой возлюбленный, величайший из завоевателей, самый совершенный, самый прекрасный из людей! Увы! скоро семь лет, как я не вижу тебя! Какой бог отнял тебя у твоей Амазиды? Мудрые пророки Египта говорят, что ты жив, но ты умер для меня, я одна на земле, и земля для меня пустыня. Какое чудо заставило тебя покинуть трон и свою возлюбленную? Насчет трона, хотя он и был первейшим в мире, я еще допускаю, но меня, меня! Как мог ты, о, мой дорогой На....

— Берегитесь произнести роковое имя,—во время перебил ее мудрый Мамбрес.—Вас может выдать какая-нибудь из ваших дам. Все они, разумеется, преданы вам, все считают за честь покровительствовать благородной любви прекрасных принцесс, но та или другая может проболтаться, нельзя поручиться и за то, что не найдется предательницы. Вы не забыли, надеюсь, что ваш любящий отец дал обет перерезать вам шею, если вы произнесете ужасное имя, а оно у вас постоянно на кончике языка. Плачьте, пожалуй, но молчите. Знаю, что это трудно, но для

чего же воспитывали вас в египетской мудрости, если вы не можете удержать своего языка? Вспомните, что Гарпократ *), один из величайших наших богов, постоянно держит палец на губах.

Прекрасная Амазида продолжала плакать, но умолкла.

Приближаясь к роше на берегу Нила, она еще издали заметила старуху в серых лохмотьях, сидевшую на кочке. Рядом с ней находилась ослица, собака и козел, а против нее помещалась змея, сильно отличающаяся от обыкновенных вульгарных змей нежным выражением своих живых глаз, благородством своей интересной физиономии, а также яркой и изящной окраской своей кожи. К этой же оригинальной компании принадлежала, очевидно, громадная рыба, наполовину вышедшая из воды. На ветвях ближайшего дерева сидели две птицы: ворон и голубь. Все это общество было, видимо, занято оживленной беседой.

*) Гарпократ—одно из божеств у египтян, олицетворявшее восходящее солнце. Он изображался с косой на голове и пальцем правой руки во рту, — признак младенчества. Греки, не поняв значения этого жеста, называли Гарпократа богом молчания.

— Увы!—тихо сказала принцесса, — они наверное говорят о любви, а мне запрещено произносить имя моего возлюбленного.

Старуха держала в руке легкую стальную цепь, длиною в сто локтей, к которой был привязан бык, насытившийся на лугу. Бык был совершенно белый и прекрасно сложен; довольно полный, он был в то же время легок, что случается не часто. Его рога были из слоновой кости. Словом, это был прекраснейший из быков. С ним не мог бы сравниться ни бык Пазифаи *), ни даже тот бык, в которого воплотился Юпитер **), чтобы похитить Европу. Достойной его была бы, пожалуй, лишь очаровательная корова, в которую была превращена Изида ***).

*) Пасифая, дочь бога солнца Гелиоса и Персеиды жена Миноса, мать Минотавра. Ариадна, Феары и др. по греческим мифам была влюблена в быка. От него и родилась у нее сын Минотавр—чужодине с телом человека и головою быка.

**) Юпитер или по-гречески Зевс, считался главною богом у древних греков. Но, по их воззрениям, боги вступали в сношения с простыми смертными. Так и Юпитер однажды улекся дочерью финикийского царя Агенора, которую звали Европой. Он превратился в быка и похитил ее, а потом принял образ прекрасного юноши и вступил с нею в брак.

***) Изиды, по верованиям египтян, была дочерью неба и земли, богиней плодородия. Ее изображали в виде коровы несущей между рогов солнце.

Как только бык увидел принцессу, он бросился к ней с быстротою молодого арабского коня, несущегося по равнине древнего Саана навстречу блистательной кобылице, заставляющей биться его сердце, а уши шевелиться. Старуха напрягла все силы, чтобы удержать его; змея старалась напугать его свистом; собака хватала за ноги; ослица бросилась наперерез и брыкала его, чтобы заставить вернуться. Большая рыба подплыла вверх по Нилу и выпрыгивала из воды, угрожал проглотить его; козел остался на месте, дрожа от страха; ворон кружился над головой быка, как бы с намерением выклевать ему глаза; один только голубь летел следом из простого любопытства и аплодировал быку, сочувственно воркуя.

Эта странная сцена вызвала Мамбреса на серьезные размышления. Между тем бык, таща на цепи старуху, добежал до изумленной и испуганной принцессы. Он бросился к ее ногам, целовал их, обливая слезами, и смотрел на нее взглядом, полным невыразимой муки и радости. Мычать он не смел, опасаясь окончательно напугать Амазиду, а говорить не мог. Природа отказала ему также в способности

издавать тихие звуки, свойственные некоторым животным, но все его жесты были полны красноречия. Он очень понравился принцессе. Он забавлял ее, отвлекая на минуту от тяжелых мыслей.

— Вот любезное животное,—сказала она,—я желала бы иметь его на своем скотном дворе.

При этих словах, бык преклонил четыре колена и облобызал землю.—Он понимает меня,—вскричала принцесса.—Он выражает желание принадлежать мне. Ах, божественный маг, почтеннейший евнух, утешьте меня, купите мне этого прекрасного херувима *), сторгуйтесь со старухой, которой он принадлежит. Я хочу иметь это животное; не откажите мне в невинном удовольствии.

Придворные дамы тоже присоединили свои просьбы, и тронутый Мамбрес направился к старухе.

*) Херуб по-халдейски, а также на сирийском языке, означает бык. Придвигание автора.

Глава вторая.

О том, как мудрый Мамбрес, отставной волшебник Фараона, узнал старуху и был ею узнан.

— Сударыня,—обратился он к старухе,—вы знаете, что молодые девицы и в особенности принцессы нуждаются в развлечениях. Дочь короля в восторге от вашего быка; я прошу вас продать его нам за наличные деньги.

— Милостивый государь, — возразила старуха,—я не собственница этого бесценного животного. На меня и на зверей, которых вы видели, возложена обязанность пасти его, тщательно наблюдать за каждым его шагом и обо всем докладывать. Боже меня сохрани подумать только продать такое драгоценное животное!

При этих словах в уме Мамбреса мелькнуло какое-то еще неясное воспоминание, в котором он не сразу мог разобраться. Он внимательнее всмотрелся в старуху.

— Многоуважаемая,—начал он,—если не ошибаюсь, я как будто видел вас когда-то?

— Я знаю, что не ошибусь,—ответила старуха,—если скажу, что видела вас семьсот лет тому назад во время своего путешествия из Сирии в Египет, спустя несколько месяцев после разрушения Трои, когда Хирам царствовал в Тире, а Нефач—Керес в старом Египте.

— Так вы божественная пифия Эндора! *)—вскричал Мамбрес.

— А вы,—сказала, обнимая его, пифия,—великий Мамбрес Египетский.

— Какая неожиданная встреча! Какой замечательный день!—изумлялся Мамбрес.—Я убежден, что само мировое Провидение свело нас на берегу Нила, под стенами прекрасного Таниса. Да неужели же я снова вижу вас, прославленную, на берегах маленького Иордана, несравненную искусницу по части вызывания теней?

— О, милостивый государь,—отвечала старушка,—кто же сравнится с вами в

---

*) Эндор, город между горами Фавором и малым Гермоном. Царь Саул, по преданию, приходил в этот город ночью, к Эндорской волшебнице, чтобы вызвать тень Самуила. Волтер под Эндорской пифией и разумеет библейскую волшебницу.

искусстве превращать палки в змей, дневной свет в тьму и речную воду в кровь?

— Да, почтеннейшая, было все это, но старость, очевидно, ослабила мое могущество, мою проницательность. Я до сих пор не могу сообразить, откуда взялся ваш белый бык, и что представляют собою остальные животные, разделяющие с вами заботы об этом прекрасном создании.

Старуха задумалась, подняла глаза к небу и, наконец, сказала:

— Дорогой Мамбрес, мы—товарищи по профессии, но мне строго запрещено открыть вам тайну белого быка. Остальные животные не скрываются, и вы легко узнаете их, если я напомню вам характерные черты их биографий. Змей, которого вы видите, убедил Еву покушать яблока и угостить им своего мужа. Ослица эта—та самая, которая в узком проходе обратилась с речью к вашему современнику Валааму. Эта рыба, что высовывает, по своему обыкновению, нос из воды, всего несколько лет тому назад проглотила Иону. Эта собака сопровождала ангела Рафаила и Товита, когда во времена Салманасара они предприняли путешествие в Рагу ми-

дийскую *). Этот козел искупляет грехи целого народа, а ворон и голубь находились в ковчеге Ноя во время всемирной катастрофы, остающейся неизвестной огромному большинству народов. Теперь вы всех знаете, но о быке я не скажу ни слова.

Мамбрес почтительно слушал.

— Знаменитая пифия,—сказал он,—Вечный дух открывает все, что хочет и кому хочет. Все эти животные, охраняющие вместе с вами белого быка, известны только вашей великодушной и привлекательной нации, которая сама почти никому неизвестна. Настанет день, когда ложные мудрецы усомнятся в чудесах, которые совершили мы с вами и наши соотечественники, и будут их осмеивать. К счастью, в них будут попрежнему верить истинные мудрецы, повинующиеся про-

* Эта история рассказывается в „Книге Товита“, которая считается неканонической и потому не помещается в обычных изданиях Библии. Товит был парализован, из племени Нефтали, и попал пленником в Вавилонию, где всчески оказывал помощь своим единоплеменникам, так как сам был в лучшем положении, пользуясь доверием царя. На шестом десятке он ослеп и отправил своего сына, которого тоже звали Товитом, получить долг от одного родственника, Габела, жившего в Раге. За праведную жизнь отца Товита младшего сопровождал в путешествии ангел Рафаил, принявший облик простого путника, избавивший его род от ряда опасностей.

рокам в маленькой части света, а это все, что нужно.

При последних словах принцесса дернула его за рукав:

— Мамбрес! Когда же вы купите моего быка?

Погруженный в свои пророческие влечения, Мамбрес не отвечал; бедная принцесса, наконец, расплакалась и сама обратилась к старухе.

— Голубушка,—умоляла она,—заклинаю вас всем, что вам дорого, вашими родителями и вашей кормилицей, которые все, вероятно, здравствуют, продайте мне вашего быка, а также и голубя. Он его, кажется, любит. Других ваших животных мне и даром не надо, но если вы не продадите мне этого очаровательного быка, который составит радость моей жизни, то я заболею. Таков уж мой характер.

— Принцесса,—сказала старуха,—почтительно целуя оборку ее газового платья, мой бык не продается, я уже объяснила это вашему почтенному магу. Что бы услужить вам, я готова каждый день водить быка на пастбище поблизости вашего дворца. Там вы можете ласкать его,

кормить бисквитами и заставлять плясать, сколько вам угодно. Но это все, что я могу сделать. Приставленные к нему звери не должны при этом спускать с него глаз. Пока он будет вести себя тихо, они не сделают ему никакого зла, но если он опять попробует рвать свою цепь, как сегодня, ему не сдобровать! Я не поручусь тогда за его жизнь. Большая рыба непременно проглотит его и продержит три дня во чреве, или его укусит змея, которая, быть может, кажется вам довольно мягкой и обходительной, но жалит она смертельно.

Белый бык, который все понимал, но не мог говорить, выслушал старуху с покорным видом. Он лег у ее ног, тихо мычал и вежливо смотрел на Амазиду, как-бы приглашая ее навещать его в сельском уединении.

— Я советую вам, принцесса, слепо следовать всем внушениям мадемуазель д'Эндор, — вмешался в разговор змей. Ослица тоже ввернула свое словечко, присоединившись к мнению змей. Амазиду глубоко огорчала такая разговорчивость какой-нибудь змей или ослицы, в то время как прекрасный бык, одаренный такими

благородными и нежными чувствами, не мог их выразить.

— Увы!—сказала она потихоньку,—то же самое беспрестанно случается и при дворе. Как часто прекрасный сеньор не умеет связать двух слов, а какой-нибудь выскочка говорит за десятерых!

— Вы глубоко ошибаетесь,—заметила Мамбрес,—змей ни в каком случае не выскочка; эта особа, быть может, весьма и весьма значительная.

Между тем, день склонялся к вечеру, и принцесса должна была возвратиться во дворец, обещая придти на другой день в то же самое время. Придворные дамы изумлялись и ровно ничего не понимали из всего, что видели и слышали. Мамбрес был погружен в размышления. Принцесса, вспомнив, что змей назвал Эндореку волшебницу «барышней», вывела из этого заключение, что старушка сохранила свою невинность, и с грустью думала, что и ей, быть может, предстоит то же самое. Грусть, достойная уважения, которую ей приходилось, однако, скрывать так же старательно, как и имя своего возлюбленного.

Глава третья.

О тайном собеседовании очаровательной Амазиды с прекрасным змеем.

Принцесса просила своих дам сохранить втайне все, что они видели. Дамы обещали и, действительно, хранили тайну в течение целого дня. Легко поверить, что Амазида плохо спала эту ночь. Какие-то необъяснимые чары заставляли ее беспрестанно вспоминать о своем быке. Утром, улучив минуту, она сообщила Мамбресу, что вчерашний бык не выходит у нее из головы.

— Он занимает не мало места также и в моей,—ответил Мамбрес.—Я ясно вижу, что этот херувим далеко превосходит всех животных своей породы. Я чувствую, что здесь скрывается великая тайна и опасаясь роковых последствий. Ваш отец, Амазида, подозрителен и жесток, вы должны поэтому вести себя в этом деле с величайшей осторожностью.

— Ах,—отвечала принцесса,—я слишком любопытна, чтобы быть осторожной.

Это—единственная страсть, которая живет в моей душе рядом с любовью к моему потерянному другу. Неужели же никогда не узнаю, что такое этот белый бык, мысль о котором не дает мне покоя?

— Сударыня,—ответил Мамбрес,—я уже признался вам, что годы ослабили мои познания, но, если я не ошибаюсь, змею известно все, что вам хотелось бы узнать. Он умен, красноречив, и имеет большой навык в обхождении с дамами.

— Ах!—вскричала Амазида,—это наверное тот самый египетский змей, который, укусив свой хвост, становится символом вечности, освещает весь мир, когда открывает глаза, а когда закрывает, становится темно...

— Совсем не тот,—остановил ее Мамбрес.

— Так это змея Эскулапа *)?

— Еще того меньше.

— Может быть, это Юпитер, превратившийся в змея?

— Ничуть не бывало.

*) Эскулап, греческий бог, покровитель врачебного искусства. В его храме находилась змея, считавшаяся священной. Эта змея последовала за римлянами, когда у них свирепствовала коровья язва, и по прибытии в Рим поселилась на Тибрском острове, после чего болезнь прекратилась.

— Ах! теперь я догадалась: это ваша тросточка, которую вы когда-то превратили в змею?

— Говорю же вам, что нет, хотя все эти змеи принадлежат к одному и тому же семейству. Этот змей считается самым искусным из всех и пользуется громадной репутацией в своей стране. Обратитесь к нему, хотя предупреждаю вас, что все это предприятие очень опасно. На вашем месте я махнул бы рукой на быка, осла, козла, змея и всю компанию. Но вижу, что с вами ничего не поделаешь—страсть увлекает вас и мне остается только беспокоиться и дрожать.

Принцесса настаивала, и добрый Мамбрес согласился устроить ей свидание со змеем. Глубоко размышляя, по обыкновению, он отправился к пифии и сообщил ей о новой фантазии принцессы. Старушка не стала противиться.

— Змей,—говорила она,—отлично умеет держать себя, он очень любезен с дамами, всегда готов к их услугам и не преминет явиться на свидание.

С этим приятным известием старый маг

возвращался к Амазиде, но продолжал беспокоиться и размышлять.

— Свидание со змеем произойдет, когда это будет угодно вашей светлости, — сказал он ей. — Но помните, что в разговоре с ним необходима лесть. Все животные очень самолюбивы, и это в особенности. Говорят даже, что за излишнюю гордость его прогнали с прекраснейшего места.

— Я не слыхала об этом, — заинтересовалась принцесса, и Мамбрес должен был передать ей все слухи, ходившие об этом знаменитом змее.

— Во всяком случае, — наставлял он ее, — вы не вырвете тайну у змея иначе, как посредством лести. Он слышит в соседней стране за опасного соблазителя и увлек на своем веку не мало женщин; было бы справедливо, чтоб женщина, в свою очередь, соблазнила его.

— Я постараюсь, — обещала принцесса.

Она отправилась в сопровождении придворных дам и старого мага. Старуха отвела своего быка довольно далеко. Увидя компанию, Мамбрес предоставил Амазиде полную свободу, а сам пошел занимать старуху. Старшая фрейлина завязала разговор с ослицей, остальные дамы забавля-

лись с собакой, козлом, вороном и голубем. Что же касается большой рыбы, которая всех пугала, то, по приказанию старухи, она нырнула на дно Нила. Змей направился навстречу Амазиде. Они сошлись в роще, и между ними произошел следующий разговор:

З м е й.

«Вы не можете представить себе, сударыня, до какой степени я польщен той честью, которую вы меня удостаиваете.

П р и н ц е с с а.

Ваша высокая репутация, тонкое остроумие, начертанное на вашей физиономии, блеск ваших глаз, наконец, внушили мне желание назначить вам это свидание. Я знаю по слухам, что вы занимали высокое положение в эмпиреях *)

З м е й.

Совершенно верно, сударыня, что я занимал довольно видное место. Меня считают фаворитом, впадшим в немилость. Этот слух зародился в Индии **). Первый

*) Высшая часть неба, где пребывает божество.

**) Действительно, первым источником рассказов о восстании в небесах были брамины, и эта сказка гораздо позднее послужила каковой для истории борьбы гигантов с богами и для некоторых других историй.

Примечание автора.

ми историками моих приключений были брамины. Я не сомневаюсь, что поэты севера создадут из них самую причудливую эпическую поэму, так как, говоря по правде, ни на что другое эти приключения не годятся. Но я вовсе не так уже пад, чтобы не иметь на этом шаре довольно значительных владений. Собственно говоря, я мог бы сказать, что вся земля принадлежит мне.

Принцесса.

Я охотно верю этому, милостивый государь, вы умеете правиться, вы, говорят, одарены способностью внушать другим все, что вам угодно. Кто нравится—тот царствует.

Змей

Глядя на вас, прислушиваясь к вашему голосу, я чувствую, сударыня, что вы имеете надо мною ту власть, которую мне приписывают над таким множеством душ.

Принцесса.

Вы, я знаю, животное властительное. Вы, говорят, победили множество дам, на-

чиная с нашей общей праматери, имя которой я забыла.

Змей.

Ко мне несправедливы. Я дал ей наилучший совет. Она, действительно, удаивала меня своим доверием. По моему мнению, как ей, так и ее мужу следовало насыщаться плодами древа знания. Я полагал, что сообразуюсь в этом с волей властителя всех вещей. Мне казалось, что дерево, до такой степени необходимое человеческому роду, посажено не для того, чтобы оставаться бесполезным. Неужели властитель мог желать, чтобы ему служили круглые невежды и идиоты! Не для того ли создан разум, чтобы просвещаться и совершенствоваться? Не требуется ли познание добра и зла для того, чтобы делать первое и избегать второго? Без всякого сомнения, я заслуживал благодарности.

Принцесса.

А между тем, вы, говорят, пострадали за этот совет. Именно с тех пор, вероятно, столько министров понесли наказания за хорошие советы, а множество истин-

ных ученых и великих гениев терпели преследования за произведения, полезные человеческому роду.

Змей.

Повидимому, сударыня, вам наговорили обо мне мои враги. Они всюду кричат, будто я в немилости при дворе. В доказательство противного, я сошлюсь на них же самих: все они вынуждены признать, что я участвовал в заседании совета, на котором было решено испытать простака Иова; признано также и мое присутствие при состоявшемся постановлении обмануть некоего царька Ахава *), при чем исполнение этого решения было поручено именно мне.

Принцесса.

Ах, милостивый государь, я не могу поверить, чтобы вы обманывали. Но раз вы остаетесь в министерстве, не могу ли я попросить вас об одной милости? Я на-

* Третья книга Царств, гл. XXII, 21-22. Господь сказал, что он обманет Ахиоа, царя израильского, с тем, чтобы он пошел в Рамот Галаада и погиб там. И дух предстал перед Богом и сказал: „я обману его“. Господь сказал: „Как? Да, ты обманешь его и ты возвеличившись. Иди и поступай, как сказано“.

Примечание автора.

деюсь, что любезный сеньор не откажет мне.

Змей.

Сударыня, ваша просьба для меня закон. Что прикажете?

Принцесса.

Я умоляю вас объяснить мне, что это за белый бык, который вызывает во мне непонятные чувства, и пугающие меня и трогательные. Мне сказали, что вы будете так добры сообщить мне об этом.

Змей.

Сударыня, любопытство необходимо человеческому роду и, в особенности, его прекрасной половине. Без него он прозябал бы в самом постыдном невежестве. По мере своих сил я всегда удовлетворял любопытство знакомых мне дам. Меня обвиняли в том, что я оказывал им услуги с единственной целью досадить владыке вселенной. Но, клянусь вам, мною руководит одно только желание доставить вам удовольствие. Старуха должна была предупредить вас, однако, что открытие этой тайны грозит вам некоторой опасностью.

Принцесса.

Ах! это еще любопытнее.

Змей.

В ваших словах я узнаю всех прекрасных дам, которым оказывал услуги.

Принцесса.

Если вы сочувствуете несчастью, если признаете, что все существа должны помогать друг другу, не откажите мне, пожалейте меня!

Змей.

Вы разрываете мое сердце. Я должен удовлетворить вас, только помните, не перебивайте меня.

Принцесса.

Я не буду перебивать.

Змей.

Один молодой король, прекрасный, как картина, влюбленный, любимый...

Принцесса.

Молодой король! Прекрасный, влюбленный, любимый! А в кого? Кто его, лю-

бил? Сколько ему лет? Что с ним случилось? Где он? Где его королевство? Как его зовут?

Змей

Вот видите! Только что я начал, а вы уже меня перебили. Берегитесь! Вы погибнете, если не сможете лучше владеть собою.

Принцесса

Ах! Простите! Этого больше не случится.

Змей

Этот великий король, победитель во всех войнах, самый любезный и храбрый из людей, часто видел сны и если забывал их, то требовал, чтобы его маги припоминали и докладывали ему, что именно он видел. При неудаче он всех их вешал, что было, разумеется, совершенно справедливо. И вот, семь лет тому назад он видел прекрасный сон и забыл его при пробуждении. Один очень опытный молодой еврей объяснил ему этот сон, и мгновенно прекрасный король был превращен в быка, так как...

Принцесса.

Ах! Это мой дорогой Наву...

Она не кончила; глубокий обморок прервал ее на полуслове. Мамбрес, слушавший издали, видел, как она упала и счит ее умершей.

Глава четвертая.

О том, как собирались принести в жертву быка и изгонять бесов из принцессы.

Мамбрес спешит к ней, проливая слезы. Змей тоже растроган, плакать он не может, но свистит мрачным тоном и восклицает: она умерла!—Она умерла,—говорит в свою очередь ослица: то же самое повторяет и ворон; огорчены и все другие животные за исключением рыбы, проглотившей Иону, — она всегда была безжалостна. Придворные дамы рвут на себе волосы. Белый бык, который пасся вдали, услышав крики, побегал к роще, таща за собою старуху и будя эхо своим мычанием. Между тем, придворные дамы выливали из своих флаконов на умираю-

щую Амазиду розовую воду, духи из гвоздики, из мирты, из ладана, аравийский бальзам, бальзамы из корицы, кардамона, гвоздичных головок, муската и серой амбры. Несмотря на все это, она не подавала признаков жизни; но как только подбежал бык, она почувствовала его близость и тотчас очнулась свежее, прекраснее и оживленнее, чем когда либо. Она расцеловала очаровательное животное, нежно склонившее свою голову на ее белую грудь. Она звала его: мой повелитель, мой король, сердце мое, жизнь моя. Она обвивала свои чудные руки вокруг его белоснежной шеи. Лоза не так тесно прижимается к молодому вязу и плющ к могучему дубу. Слышалось ее нежное воркованье и ее вздохи; ее глаза то блистали нежным пламенем, то наполнялись драгоценными слезами любви.

Всякий может судить об изумлении старшей фрейлины Амазиды и остальных дам. Возвратившись во дворец, они тотчас же рассказали своим любовникам об этом приключении, каждая, разумеется, со своими вариациями, что всегда увеличивает занимательность событий и содействует разнообразию всех историй.

Когда эти рассказы дошли до Амазиса, короля Таниса, его королевское сердце переполнилось справедливым гневом. Так гневался Минос, узнав о нежных отношениях своей дочери Пазифаи к отцу Минотавра. Так содрогалась от гнева Юнона, видя, как Юпитер, ее супруг, ласкает прекрасную корову Изиду, дочь Инаха. Амазис запер прекрасную Амазиду в ее комнате, приставив к дверям стражу черных евнухов. Потом он созвал свой тайный совет.

Председательствовал на совете Мамбрес, но его кредит сильно пошатнулся. Все члены министерства пришли к заключению, что белый бык колдун. Дело обстояло как раз наоборот: бык был околдован, но при дворе всегда ошибаются в тонких вещах.

По большинству голосов было решено подвергнуть принцессу очищению от действия чар, а быка со старухой принести в жертву богам.

Не желая раздражать короля и членов совета, мудрый Мамбрес не противоречил. Он один имел право производить очищения и мог отложить эту процедуру под весьма благовидным предлогом. Апис

только что умер в Египте*). Бог-бык умирает, как и всякий другой.

На совете было решено, поэтому, дожидаться водворения нового бога в Мемфисе.

Добрый Мамбрес видел, какой опасности подвергается его дорогая принцесса. Вырвавшиеся у нее два слога: «Наву...», открыли ему всю тайну.

Мемфис находился в это время под властью Вавилонян, сохранивших остатки завоеваний, сделанных при великом короле, смертельным врагом которого был Амазис. Мамбресу нужна была вся его мудрость, чтобы успешно действовать при таких трудных обстоятельствах. Если король откроет возлюбленного своей дочери, она будет убита, он поклялся в этом. Прекрасный король, которого она любила, лишил престола ее отца, возвратившегося в Танис лишь около семи лет тому назад, когда внезапно исчез куда-то его великий победитель, великодушный и преданный поклонник прекрасной Амазиды. Но если

*) Священный бык Апис не мог жить более 30 лет. Если он переживал этот срок, то его сбрасывали в Нил и искали ему заместителя—такого же черного быка, рождение которого праздновалось во всем Египте.

быка заколят, не узнав его тайны, Амазида все равно умрет от горя.

Что было делать Мамбресу при таких обстоятельствах? Выйдя из совета, он поспешил к своей воспитаннице.

— Дорогая моя девочка,—говорил он ей,—я буду о вас заботиться, но помните же, что вам непременно перережут шею, если вы произнесете имя своего возлюбленного.

— Ах! Очень мне нужна моя шея, если я не могу обнимать шеи Навуха...!—вскричала Амазида.—Мой отец самый злой человек! Он не только отказал в моей руке прекрасному принцу, которого я обожаю, но еще объявил ему войну, а когда мой возлюбленный победил его, он ухитрился превратить его в быка. Ну, видано ли когда-либо такое ужасное коварство? Если бы мой отец не был моим отцом, уж я не знаю, чтобы я ему сделала.

— Эту скверную штуку сыграл с ним не отец ваш,—возразил Мамбрес, — а один палестинец из племени наших старых врагов, населяющих маленькую страну, затерянную среди государств, которые завоевал ваш августейший возлюблен-

ный, с целью внести в них цивилизацию. В этих метаморфозах *) нет ничего удивительного; вы знаете, что и я их когда-то делал. Вещи, изумляющие теперь мудрецов, были тогда делом самым обыкновенным. Из достоверной истории, которую мы проходили с вами, вы должны знать, что Ликаон, король Аркадий, был превращен в волка; прекрасная Калисто, его дочь,—в медведицу; Ио, дочь Инаха—наша истинная Изиды—в корову; Дафна—в лавр. И разве жена Лота, этого нежнейшего из отцов, не находится в нашем соседстве, в виде прекрасной соляной статуи, сохранившей все признаки своего пола, не исключая ежемесячных очищений **), как о том свидетельствуют великие мужи, наблюдавшие это явление? Я сам в молодости был свидетелем этого превращения. Я видел также, как на месте, где стояли пять могущественных городов, в самой сухой и безводной стране мгновенно образовалось прекрасное озеро. Во времена моей молодости превра-

*) Превращениях.

**) Об этом говорит Тертуллиан в своей поэме „Солом“, также св. Иринея кн. IV.

щения случались на каждом шагу. Наконец, если примеры могут облегчить вашу горе, вспомните, что Венера превратила перастов в быков *).

— Знаю я все это,—сказала несчастная принцесса,—но разве примеры утешают? Если бы мой возлюбленный умер, разве меня утешило бы то, что все люди смертны?

— Ваше горе может кончиться,—сказал мудрец.—Если ваш нежный поклонник стал быком, вы сами понимаете, что бык может стать человеком. А я, если не превратят меня в тигра или крокодила, отдам весь остаток своих сил на службу моей дорогой принцессе, моей маленькой Амазиде, которая росла на моих коленях, а теперь подвергается таким жестоким преследованиям судьбы.

*) Перасты—народность, населявшая остров Крит. Они воздвигли храм Юпитеру и, по преданию, были очень крокодавы, за что Венера обратила их в быков.

Глава пятая.

О том, как мудро поступил мудрый Мамбрес.

Преподав Амазиде все необходимые утешения и ничуть ее не утешив, Мамбрес побегал к старухе.

— Мой уважаемый собрат,—сказал он ей,—наше прекрасное ремесло очень опасно. Вы рискуете быть повешенной, а ваш бык будет сожжен, утоплен или съеден. Мне неизвестно, что сделают с остальными животными; хоть я и пророк, но знаю не особенно много. Во всяком случае, спрячьте хорошенько змею и рыбу; пусть она не высовывается из воды, а змей пусть сидит в дыре. Быка я поставлю на скотный двор в одном из моих поместий; вы будете находиться при нем, так как вам запрещено покидать его. Козла отпущения можно будет при этом случае отослать в пустыню, возложив на него грехи всей компании. Он привык к этой церемонии, и она ничуть не вредит ему, а между тем известно, что все может быть искуплено небольшой прогулкой одного

козля. Я попрошу вас ссудить мне на время собаку Товита—это очень проворная борзая, ослицу Балаама, которая бежит лучше всякого дромадера, а также ворона и голубя из ковчега—они быстро летают. Я хочу их отправить послами в Мемфис с очень важным поручением.

Старуха отвечала:—Можете располагать собакой Товита, ослицей Балаама, вороном, голубем и козлом отпущения, но бык не может почевать под крышей. Сказано, что «его должна мочить роса, он должен щипать траву на земле и его доля должна быть общая с дикими зверями». Он мне поручен, и я должна повиноваться. Он должен при этом быть привязан на цепочке. Что бы подумали обо мне Даниил, Езекииль и Иеремия, если бы я кому нибудь поручила моего быка? Я вижу, что вы знаете тайну этого странного животного, но я не могу упрекнуть себя в излишней откровенности. Я уведу его из этой нечистой земли к озеру Сирбону, подальше от жестокостей короля Таниса. Моя рыба и мой змей будут защищать меня: я никого не боюсь, когда служу своему господину.

— Да исполнится воля господня!—от-

вечал Мамбрес.—Лишь бы цел был наш бык; ведите его, голубушка, к какому хотите озеру. Я ничего не желаю кроме добра, как ему, так и вам. Но причем тут Даниил, Езекииль и Иеремия?

— Ах, милостивый государь, вы сами отлично знаете, какое участие принимают они в этом деле! Я не могу терять времени, потому что вовсе не хочу быть повешенной, не хочу также, чтобы мой бык был сожжен, утоплен или с'еден. Иду к озеру Сирбону через Каноп, с моей змеею и рыбой. Прощайте.

Поблагодарив Мамбреса за все, чем был ему обязан, бык задумчиво последовал за старухой.

Мамбрес был в сильнейшей тревоге. Он знал, что король Таниса, считая свою дочь околдованной быком, будет всюду преследовать несчастное животное и предаст его, в качестве колдуна, всесожжению на главной площади Таниса, или отдаст его на с'едение рыбе, а быть может, прикажет зажарить и подать к столу. Мамбрес хотел, во что бы то ни стало, уберечь Амазиду от такого горя.

Он написал своему другу,* главному жрецу в Мемфисе, деловое письмо свя-

ценными знаками на египетской бумаге, еще не вошедшей тогда в употребление. Вот точная копия этого письма:

«Свет мира, служитель Изиды, Озириса и Гора, глава обрезанных, ты, чей престол праведно возвышается над тронами всех царей, до моего сведения дошло, что ваш бог, бык Апис скончался. Я имею другого к вашим услугам. Спешите скорее вместе с вашими священниками признать его, воздать ему поклонение и отвести его на скотный двор при вашем храме. Да осенят вас своим святым покровом Изида, Озирис и Гор,—вас и всех священников Мемфиса.

Преданный вам друг Мамбрес»

Опасаясь несчастного случая, Мамбрес написал это письмо в четырех экземплярах, заключил их в футляр из крепкого черного дерева и позвал четырех животных, намеченных им в курьеры. Он сказал ослице:—Я знаю, что вы верно служили Валааму, моему собрату, послужите и мне. По быстроте бега с вами не сравняется никакой пеликан, идите, моя милая, передайте письмо в собственные руки и возвращайтесь.

Ослица отвечала:—Как я служила Валааму, так послужу и вам, господин; я пойду и возвращусь.

Мудрец вложил в ее рот деревянную палочку, и она понеслась, как стрела.

Затем он подозвал собаку и сказал ей:—Верная собака, вы прворнее быстрого Ахиллеса, и я знаю, какую услугу оказали вы Товиту, сыну Товита, провожая его вместе с ангелом Рафаилом из Ниневии в Рагу и затем из Раги в Ниневию, когда он нес своему отцу десять талантов *) серебра, данных рабом Товитом взаймы рабу Гибелу, так как эти рабы были очень богаты. Отнесите по адресу это письмо, которое драгоценнее десяти талантов серебра.

— Господин,—отвечала собака,—если я сопровождала Товита, то могу исполнить и ваше поручение.

Мамбрес отдал ей письмо и обратился к голубю, который тоже ответил согласием и полетел, держа палочку в клюве. Скоро все трое скрылись из виду.

Мамбрес заговорил с вороном.—Я знаю, что вы кормили великого пророка Илию,

*) Двадцать тысяч экю на французские деньги.
Примечание автора

когда он скрывался у потока. Вы ежедневно приносили ему хороший хлеб и жирных пулярдок; я же прошу вас только отнести это письмо в Мемфис.

Ворон ответил:— Это верно, что я ежедневно носил обед пророку Илии, который поднялся на моих глазах в огненной колеснице, запряженной четверкой огненных лошадей, хотя это и не в обычае; но половину обеда я всегда брал себе. Я согласен нести письмо, если вы гарантируете мне ежедневно хороший обед и ужин, и за всю комиссию заплатите вперед наличными.

Такие претензии взорвали Мамбреса.

— Жадная бестия,—вскричал он,—я не удивляюсь, что из белого, как лебедь, Аполлон перекрасил тебя в черного крота, когда ты предал прекрасную Коронису, несчастную мать Эскулапа *). Скажите пожалуйста, ему нужны ежедневно пулярдки и жареное филе! А что ты ел десять месяцев, сидя в ковчеге?

*) В Коронис, дочь Флегяса, влюбился бог Аполлон, от которого у нее родился Эскулап, покровитель врачебного искусства. Впоследствии Коронис изменила Аполлону, о чем ему донес ворон. Аполлон пронзил стрелой Коронис, вынул из ее чрева младенца и отдал на воспитание кентавру Хирону.

— Нас там отлично кормили,—возразил ворон.—Дважды в день подавалось жаркое всем пернатым моего рода, питающимся мясом: ястребам, орлам, сарычам, филинам, совам, соколам и всем хищным птицам. Стол львов, леопардов, тигров, пантер, гиен, медведей, волков, лисиц и прочих плотоядных четвероногих был еще обильнее. В ковчеге находилось восемь человек, весьма почтенных, единственных, оставшихся тогда на свете, которые занимались исключительно нашим столом и гардеробом, а именно: Ной с женою, которым было лет по шестисот—не более, и их сыновья с женами. Приятно было смотреть, как чисто, как старательно работала наша прислуга над удовлетворением здорового аппетита четырех тысяч столовников, не говоря уже о заботах, которых требовали тысяч двенадцать или пятнадцать других особ, от слона и жирафа до шелковичных червей и мух. Я положительно удивляюсь, что наш поставщик Ной не известен всем нациям, которые от него происходят. Мне, впрочем, наплевать. Я уже раз был на таком же празднике у короля Фракии, Ксисутра. Эти вещи случаются время от

времени для назидания ворон *). Одним словом, я требую хорошей пищи и платы вперед наличными.

Разумеется, мудрый Мамбрес остерегся поручить свое письмо такой привередливой и болтливой птице. Они расстались очень недовольные друг другом.

Нужно было, однако, не терять из виду быка и следить за старухой и змеем. Мамбрес отрядил для этого самых смышленных и преданных из своих слуг, а сам отправился в паланкине **) к берегу Нила.

Он размышлял, по обыкновению. «Возможно ли,—спрашивал он себя,—чтобы этот змей, властвуя, как он хвастается и как утверждают многие ученые, почти над всей землей, в то же время слушался старухи? Каким образом, ползая по земле, заседает он время от времени в небесном совете? Почему вселяется он ежедневно, по собственному произволу, в тела людей, и столько мудрецов говорят, что уме-

*) Халдейский писатель Бероз, действительно, говорит о таком же приключении с Ксисутром, ковчег которого был еще замечательнее. Между учеными возникла длинная полемика по поводу о том: кто был древнее Ной или Ксисутр? Примечание автора.

**) Переносная палатка, служащая для передвижения знатных лиц.

ют выселять его оттуда несколькими словами? Он слышит, наконец, у маленького соседнего народца погубителем человеческого рода, а род человеческий ничего об этом не знает. Я очень стар, я учился целую жизнь, но я вижу во всем этом массу противоречий, которых не могу согласить. Я не понимаю даже того, что случалось со мною; я не могу объяснить ни тех великих дел, которые я совершал когда-то, ни тех, которых был свидетелем.. Старательно взвесив все, я начинаю подозревать, что этот мир живет противоречиями: *Regum concordia discors* *), как говаривал на своем языке мой учитель Зороастр.

Пока он был погружен в эту метафизику, такую же темную, как всякая метафизика, к берегу подплыла лодочка. Весело распевая, лодочник причалил ее и высадил трех важных особ, одетых в грязные лохмотья, но сохранивших под этой ливреей нищеты величавый и торжественный вид. Это были Даниил, Езекииль и Иеремиа.

*) Стих из Горация, который Вольтер приписывает Зороастру: „согласие вещей порождает разногласие (у людей)“.

Глава шестая

О том, как Мамбрес встретил трех пророков и угостил их хорошим обедом.

Эти великие люди с челом, окруженным пророческим сиянием, узнали в Мамбресе своего собрата по некоторому еще сохранившемуся у него отблеску того же света и простерлись пред его палакином. Мамбрес тоже узнал в них пророков, скорей по костюму, чем по сиянию их величественных голов, и тотчас сообразил, что они явились за сведениями насчет белого быка. Действуя со своей обычной осмотрительностью, он вышел из паланкина и приблизился к ним с вежливостью, соединенной с достоинством. Он поднял их, а слугам приказал раскинуть палатки и приготовить обед, в котором, на его взгляд, пророки сильно нуждались.

Он послал также за старухой, которая успела отойти всего шагов на пятьсот. Она приняла приглашение и явилась к обеду, ведя быка на привязи.

Было подано два горячих: суп из раковых шеек и королевский; первая перемена состояла из паштета, начиненного языками карпов и печенкой налимов; из цыплят с фисташками, молодых голубей с трюфелями и двух индюшат с очень вкусной подливкой. Жаркое было из фазанов, куропаток, рябчиков, перенелок и ортоланов *). К нему подавалось четыре различных салата. Изысканные пирожные были выше всяких похвал, и десерт не оставлял желать ничего лучшего со стороны не только вкуса и разнообразия, но также и красоты.

Составляя меню обеда, осмотрительный Мамбрес старательно исключил из него вареную и жареную говядину, бычачий язык и сладкое коровье мясо, опасаясь, что несчастный монарх, присутствуя издали на этом пиршестве, примет такие блюда за личное оскорбление.

Этот великий и несчастный принц циничал траву подле палатки. Никогда еще не чувствовал он так живо всей тяжести перемены, лишившей его трона.

*) Общее обозначение дичи разных пород птиц.

— Увы!—думал он,—этот Даниил, превративший меня в быка, и эта колдунья, которая меня стережет, едят такие хорошие блюда, а я, повелитель Азии, должен питаться сеном и пить одну воду.

За обедом подавалось много тонких вин. Когда пророки и пифия порядочно выпили, разговор принял задушевный характер.

— Сознаюсь,—сказал Даниил,—что мне не приходилось так хорошо обедать во рву львином.

— Скажите, пожалуйста,—поинтересовался Мамбрес,—почему же вы не сядены, если вас посадили в один ров со львами?

— Вы должны знать, милостивый государь, что львы никогда не едят пророков,—отвечал Даниил.

— Что до меня касается,—сказал Иеремия,—я всю жизнь умирал с голоду;* это первый хороший обед, который мне случилось съесть. Если бы я мог начать жизнь сызнова и выбрать себе занятие, то, сознаюсь, я предпочел бы быть генеральным контролером или епископом в Вавилоне, чем пророком в Иерусалиме.

Езекииль рассказал:—Мне было приказано, однажды, проспать триста девяносто дней на левом боку и питаться все время хлебом из ячменя, проса, пшеницы, бобов и вики, обмазанным... я не решаюсь сказать чем именно. Как снисхождение, я получил дозволение покрывать хлеб лишь коровьим навозом. Сознаюсь, что стол господина Мамбреса гораздо деликатнее. Однако, в нашем ремесле должно же быть что-нибудь привлекательное, иначе тысячи людей не лезли бы в пророки.

— Кстати,—спросил Мамбрес,—объясните мне, пожалуйста, что понимаете вы под вашими Олла и Олиба, которые придавали столько значения лошадям и ослам?

— Пустяки!—ответил Езекииль,—это просто риторические фигуры.

После этих откровенных излияний Мамбрес заговорил о делах. Он расспросил путешественников, что именно привело их во владения короля Таниса. Даниил сообщил, что со времени исчезновения Навуходоноссора, Вавилон в волнении, что по этому случаю там, по обыкновению всех дворов, принялись за пророков, и им приходилось попеременно то

видеть королей у своих ног, то получать по сто ударов плетью. Опасаясь, что дело дойдет до избияния камнями, они вынуждены были, наконец, бежать в Египет.

Иеремия и Езекиил тоже говорили очень долго и таким прекрасным слогом, что понять их почти не было возможности. Пифия слушала молча, не забывая присматривать за быком. Рыба Ионы высовывала голову как раз против палатки, а змей извивался в траве.

Напившись кофе, хозяин и гости вышли погулять на берег Нила. Тогда бык, не выдержав вида своих врагов, бросился на них и, так как у пророков всегда только кости да кожа, он непременно забодал бы их на смерть, если бы владыка вселенной, который все видит и обо всем заботится, не превратил их мгновенно в сорок. Они не заметили этого и продолжали разговаривать. То же самое случилось потом с Пшеридами *), до такой степени басня подражает истории.

*) Пшериды—дочери македонского царя Пшера, кичась своими качествами, вступили в соревнование с Музами. Нимфы все же признали Муз победительницами в состязании, но Пшериды не сдались и осыпали бранью Муз. Тогда Аполлон обратил их в сорок.

Это происшествие навело мудрого Мамбреса на новые размышления. «Вот,—думал он,—три великих пророка превращены в сорок; это должно научить нас не говорить слишком много, предпочитая мудрость красноречию». Размышления Мамбреса были прерваны грандиозным и ужасным зрелищем.

Глава седьмая.

О прибытии короля Таниса, решившего принести в жертву свою дочь и быка.

С юга надвигались клубы пыли, слышалась дробь барабанов, звуки труб, флейт и гуслей. Шли батальоны и эскадроны короля Амазиса, который ехал на лошади, покрытой красным чепраком, расшитым золотом. А герольды кричали: «белый бык будет схвачен, связан, брошен в Нил и отдан на с'едение рыбе Ионы. Наш король и повелитель справедлив и хочет отомстить быку, околдовавшему его дочь».

Доброму Мамбресу пришлось размышлять больше, чем когда-либо. Он дога-

дался, что ворон, эта злостная птица, забегал к королю и все рассказывал ему, так что Амазиде больше, чем когда-либо, грозит смерть. Он шепнул змею:

— Идите, дорогой друг, и утешьте поскорее мою воспитанницу Амазиду. Пусть она не пугается, что бы там ни случилось. Чтобы отвлечь ее от тревожных мыслей, рассказывайте ей сказки, девушки всегда их любят, да и вообще, без сказок нельзя иметь успеха на этом свете.

Затем он распростерся пред Амазисом и сказал:

— Да живет вечно король Таниса. Бык должен быть принесен в жертву, ибо ваше величество всегда право, но владыка вселенной сказал, что рыба Ионы с'ест быка лишь после того, как будет найден заместитель умершему богу в Мемфисе. Благочестивый король не может послушаться владыки вселенной.

Амазис задумался.

— Царство небесное покойному Апису,—сказал он, наконец.—Сколько времени может понадобиться, чтобы найти ему заместителя?

Мамбрес сказал, что понадобится не более восьми дней.

— Даю восемь дней,—согласился благочестивый король,—и проведу их здесь же на месте и потом принесу в жертву соблазнителья моей дочери.

Он велел разбить палатки на берегу Нила и призвать поваров и музыкантов, как это рассказано в истории Манетона *).

Узнав, что быку остается жить только восемь дней, старуха пришла в отчаяние. Каждую ночь она посылала королю по несколько теней, чтобы отвратить его от жестокого решения. Но поутру король забывал виденные ночью тени, так же, как Навуходоносор забывал свои сны.

Глава восьмая.

О том, как змей, чтобы утешить принцессу, рассказывал ей сказки.

Тем временем змей, чтобы развлечь Амазиду, рассказывал ей истории. Он общил ей, что вылечил однажды целый

*) Манетон — египетский жрец, живший при Птолемеях в Филадельфии, в III веке до Р. X. Он написал „общую историю Египта“, которая до нас не дошла.

народ, искусанный маленькими змеями, одним тем, что показывался на конце палки. Он говорил ей о победах героя, представлявшего прекрасный контраст с Амфионом, строителем Фив в Беотии *). Этот Амфион, играя на скрипке, заставлял камни приходить на предназначенное им место: сыграет два-три танца, и город готов. У другого, наоборот, города разрушались от трубных звуков. Он приказал повесить тридцать одного короля, которые были могущественны, царствуя на пространстве четырех миль в длину и ширину. Тот же герой вызвал каменный дождь с неба и истребил, таким образом, убежавших от него врагов, а затем остановил среди белого дня солнце и луну, чтобы вторично истребить их близ Гаваона, по дороге в Вефран. Пример он взял с Бахуса, который тоже остановил солнце и луну во время своего путешествия в Индию.

Деликатность, обязательная для каждого змея, не позволила ему говорить Ама-

*) Амфион, сын Юпитера и Антионы, был музыкантом, которому Аполлон подарил золотую лиру. Он овладел Фивами и стал строить укрепления, при чем, согласно мифу, камни сами прибегали, под звон его лиры, и укладывались в надлежащие места постройки. Вольтер заменил лиру скрипкой.

зиде о могучем Иеффаяе, сыне блудницы *), зарезавшем свою дочь по случаю одержанной победы. Такой рассказ заставил бы содрогнуться от ужаса сердце принцессы; но он рассказал ей за то о великом Самсоне, убивавшем по тысяче филистимлян челюстью осла, связывавшем по триста лисиц хвостами и попавшем в сети женщины, не похожей на любящую и верную Амазиду.

Он говорил ей о несчастной любви Сихема и шестилетней Дины **), о счастливой любви Вооза и Руфи, об истории Иуды с его снохой Тамарью, Лота с дочерьми, не желавшими, чтобы прекратился род человеческий, Авраама и Иакова со своими служанками, Рувима с матерью, Дави-

*) Иеффай (Jephthé), сын блудницы из Галафда, впоследствии один из израильских судей, был обременен братьями, лишившими его наследства, и стал разбойником. Когда аммонитяне напали на Израиль, Иеффай встал со своим отрядом на защиту израильтян, при чем дал зарок, что принесет в жертву первого человека, которого он встретит, но одержавши победы над аммонитянами. Оказалось, что навстречу ему после победы вышла его единственная дочь, которую, согласно данной клятве Иегове, он и закалал неутолимою болью.

**) Дина — дочь Якова и Лии, была похищена Сихемом, царем гересенов, который потом уже просил Якова о согласии на их брак. Патриарх согласился, под условием, чтобы гересены совершили над собою обряд обрезания. Они поочередно исполнили его требованию; тогда братья Дины — Симеон и Левий — встали совершить нападение и перерезали их всех, в том числе и царя Сихема.

да с Вирсавией и приключения великого царя Соломона, словом, он рассказал ей все, что могло рассеять тоску прекрасной принцессы.

Глава девятая.

Почему змей не утешил ее.

— Все эти сказки мне страшно надоели, — сказала Амазида, которая была умна и не лишена вкуса. — Они только на то и годятся, чтобы сумасброд Аббади писал на них комментарии для Ирландцев или Фразер Отвиль *) для Вельхов. Такие вещи еще можно было рассказывать пра-прабабушке моей прабабушки, но никак не мне. Ведь меня воспитывал Мамбрес, я читала трактат «о человеческом уме» египетского философа Локка и «Матрону Эфесскую» **). Я не хочу слушать пошлости и нелепости. Я хочу, чтоб в основе сказки лежало какое-нибудь подобие правды, а не сплошной бред. Я желала бы, в особен-

*) Аббат Отвиль, автор сочинения — „Истина христианской веры, доказанная фактами“ (1777 г.).

**) Локк — английский философ. „Трактат о человеческом уме“ — сочинение философа XVIII в. Гельвеция.

ности, чтобы под баснословным покровом в ней скрывалась утонченная истина, заметная лишь изощренному глазу. Мне до смерти наскучили все эти солнца и луны, которыми распоряжается какая-нибудь старушонка, все пляшущие горы, реки, текущие к своему источнику, и беспрестанно воскресающие мертвецы. Особенно противны все эти нелепости, когда они написаны в напыщенном стиле, затрудняющем понимание. Вы сами знаете, что девушке, которая боится, что ее возлюбленного проглотит рыба, а ей самой ее отец перережет горло, необходимо развлекать; но постарайтесь развлекать меня так, как мне нравится.

— Вы даете мне трудную задачу, — ответил змей. — В былые годы я сумел бы доставить вам несколько приятных часов, но с некоторого времени я утратил как-то и память, и воображение. Увы! где те годы, когда я развлекал девиц! Постараюсь, однако, чтобы угодить вам, припомнить какую-нибудь нравоучительную сказку.

«Двадцать пять тысяч лет тому назад в стовратых Фивах царствовали король Гноф и королева Патра. Король был красив, королева еще красивее, но они не

могли иметь детей. Король предложил премию за изобретение наилучшего способа увековечения королевской расы.

Медицинский факультет и хирургическая академия представили превосходные трактаты по этому важному вопросу: ни один не пригодился. Королеву послали на воды, она говела, делала богатые приношения храму Юпитера Аммона, от которого происходит аммонияк: ничто не помогало. Наконец, к королю явился священник двадцатипяти лет и сказал ему:

— Я знаю заклинание, которое приводит к результату, удобному вашему величеству. Оно должно быть сделано тайно на ухо вашей супруге. Пусть меня повесят, если после этого она не забеременеет.

Король согласился. Их оставили вместе лишь на четверть часа. Королева оказалась беременной, а королю захотелось повесить священника.

— Боже мой,—вскричала принцесса,—я отсюда вижу, куда вы клоните. Сказка самая избитая и вдобавок неприличная. Расскажите мне такую басню, которая была бы чистой правдой, вполне доказанной, очень нравственной и совершенно для меня новой, чтобы закончить ею ф о р м и р о-

вание моего ума и сердца, как говорит египетский профессор Лииро *).

— Ну вот вам, сударыня, совершенно достоверная история,—сказал добрый змей и начал рассказывать.

«Жили когда-то три пророка одинаково честлюбивые и разочарованные в своей профессии. Всем им до безумия хотелось быть королями, так как от пророка до короля один шаг, и каждый смертный всегда стремится делать шаги вверх по лестнице фортуны. Ни в чем другом они не сходились: их вкусы и наклонности были различны. Один прекрасно проповедывал и любил, чтобы слушатели ему выслушивали, другой был без ума от музыки, а третий любил женщин. Однажды, когда за столом они рассуждали о прелестьях королевского звания, перед ними предстал ангел Итуриель.

— Я послан владыкою всех вещей,—сказал он,—чтобы вознаградить вашу добродетель. Вы не только будете королями, но при этом получите еще возможность беспрерывно удовлетворять свои господствующие страсти. Первый пророк

*) Анаграмма (перестановка букв) Роллина (Rollin), автора трактата о занятиях науками.

будет царствовать в Египте и постоянно заседать в советах, которые будут ему аплодировать; второй будет царствовать в Персии и беспрерывно слушать божественную музыку.

— Тебя,—сказал он третьему пророку,—я сделаю королем Индии и дам тебе очаровательную любовницу, которая никогда не будет покидать тебя.

Тот, которому достался Египет, немедленно созвал свой частный совет, состоявший лишь из двухсот мудрецов, и согласно этикету сказал им речь, которая была покрыта аплодисментами, чуждыми, по мнению растроганного монарха, всякой лести.

Затем последовал совет иностранных дел, более многочисленный, где новая речь встретила еще больше похвал. Тоже произошло и во всех других советах. Наслаждения следовали за наслаждениями, и слава красноречивого короля Египта скоро распространилась по всей земле.

Король Персии начал с итальянской оперы, в которой хоры выполнялись тысячами пятьюстами кастратами. Их голоса трогали его душу, проникая до мозга костей, в котором она помещается. За этой

оперой последовала другая, третья и так без перерыва.

Король Индии заперся с любовницей и, постоянно лаская ее, был совершенно счастлив. Он жалел своих собратьев, из которых один постоянно заседал в совете, а другой в опере.

Через некоторое время каждый из них услышал за окном голоса дровосеков, выходявших из кабачка и направлявшихся в соседний лес на работу. Они шли под руки со своими подругами, которых могли менять, сколько угодно. Наши короли попросили Итуриеля ходатайствовать пред владыкой вселенной, чтобы он сделал их дровосеками...»

— Я не знаю,—перебила принцесса,—и знать не хочу, исполнил ли владыка вселенной их просьбу; но я отлично знаю, что ни у кого и ничего не просила бы, если бы была заперта вдвоем с моим милым, дорогим Навуходоноссором.

Громко раздалось великое имя под сводами дворца. В первый раз Амазида сказала На..., во второй Наву..., потом Навухо...; но страсть увлекла ее, и она произнесла, наконец, роковое имя все целиком. «Навуходоноссор»,—повторяли придвор-

ные дамы, и злорадный ворон полетел с досугом к королю. Омрачилось лицо короля, потому что мрачно было его сердце. Таким-то образом змей, самое осторожное и тонкое из всех животных, делал женщинам зло, несмотря на свои добрые намерения.

Амазис в своем гневе немедленно послал за дочерью двенадцать альгвазилов *), всегда готовых выполнять самые варварские приказания королей, говоря в пояснение: «нам за это заплачено».

Глава десятая.

О том, как намеревались перерезать горло принцессе и не перерезали.

Когда, дрожащая от ужаса, Амазида предстала пред отцом, он сказал ей:

— Ты знаешь, дочь моя, что тех принцесс, которые не повинуются королям, своим отцам, обыкновенно казнят, так как без этого хорошее управление государством было бы невозможно. Я запретил тебе произносить имя любимого, тобой Навуходоноссора, моего смертельного вра-

*) Полицейских чиновников.

га, лишившего меня трона семь лет тому назад и затем исчезнувшего с лица земли. Ты выбрала на его место белого быка, а теперь прокричала Навуходоноссор. Справедливость требует, чтобы я перерезал тебе горло.

— Делайте, что хотите, отец,—ответила принцесса,—но дайте мне время оплакать мою невинность.

— Это справедливо,—сказал Амазис,—и согласно с законами всех просвещенных и благоустроенных государств. Можешь целый день плакать о своей невинности, так как ты говоришь, что имеешь ее. Завтра в восьмой день моей стоянки в этом лагере, в девять часов утра, я отдам быка на с'едение рыбе, а тебе перережу шею.

Амазида со своими придворными дамами пошла на берег Нила оплакивать остатки своей невинности. Мамбрес размышлял, идя рядом с нею, и высчитывал часы и минуты.

— Что же, дорогой Мамбрес,—сказала она ему,—для вас было обычным делом превращать в кровь воды Нила, а сердце моего отца, короля Амазиса вы изменить

не можете? И вы потерпите, чтобы завтра, в девять часов утра, мне перерезали шею?

— Это будет зависеть от быстроты моих курьеров,—отвечал размышляющий Мамбрес.

На следующий день, как только тени обелисков и пирамид отметили на земле наступление девятого часа, белого быка связали, чтобы бросить его рыбе Ионы, а королю принесли его большую саблю.

— Увы! Увы!—говорил в глубине своего сердца Навуходоносор,—я, царь, пробыл семь лет быком, и едва лишь нашел свою возлюбленную, как меня отдадут на съедение рыбе.

Никогда еще мудрый Мамбрес не размышлял так глубоко. С каждой минутой эти размышления становились все печальнее, как вдруг он заметил вдали приближение того, чего ожидал. Шли бесчисленные толпы. Впереди, на золотых носилках, украшенных драгоценными камнями, блистали изображения Изиды, Озириса и Гора. Их несли сенаторы Мемфиса, предшествуемые девами, играющими на священных систрах. Четыре тысячи священников с венками на бритых головах ехали на бегемотах. Далее, с тою же пышностью

следовала фиванская овца, собака Бубаста, кошка Фебен, крокодил Арсиной, козел Мендеса и другие младшие божества Египта. Все они шествовали поклониться великому быку, богу Апису, который так же могуществен, как Изиды, Озирис и Гор, вместе взятые.

Среди всех этих полубогов сорок священников несли большую корзину, наполненную священными луковичами, которые, собственно говоря, не были божествами, но сильно походили на них.

С обеих сторон процессии богов, сопровождаемой бесчисленным народом, шли войска: сорок тысяч воинов с касками на головах, с палашиами у левой ноги, с колчанами на плечах и луком в правой руке.

Священники пели хором:

Наш старый бог в могиле,
Мы лучшего найдем!

Эта трогательная мелодия возвышала душу. При каждой паузе слышались звуки сistr, кастаньет, барабанов, гуслей и польноков.

Глава одиннадцатая.

О том, как принцесса соединилась узами брака со своим быком.

Пораженный этим зрелищем, Амазис вложил саблю в ножны, не перерезав шеи своей дочери.

— Великий государь,—заговорил Мамбрес,—порядок вещей изменился. Ваше величество должны подать пример. Развяжите скорее быка и первый воздайте ему божеские почести.

Амазис послушался и распростерся пред быком; его примеру последовали окружающие.

Процессия приблизилась. Главный священник Мемфиса подал новому Апису первый клоч сена. Принцесса Амазида украсила его рога гирляндами из роз, анемонов, гвоздики, тюльпанов и гиацинтов. Время от времени она позволяла себе поцеловать его, но с величайшей почтительностью. Священники устилали пальмами и цветами дорогу к Мемфису.

Мудрый Мамбрес, продолжая размышлять, говорил на ухо своему другу-змею:

— Даниил превратил человека в быка, а я этого быка превратил в бога.

Обратное шествие совершилось в том же порядке. За процессией последовал и смущенный король Таниса. При нем находился Мамбрес, спокойный и сосредоточенный. Сзади шла старуха в восторге от оборота, который приняло дело. Ее сопровождали змей, собака, ослица, ворон, голубь и козел отпущения. Рыба плыла вверх по Нилу. Шествие замыкали Даниил, Езекииль и Иеремия.

Когда подошли к границе, которая была недалеко, король Амазис простился с Аписом и сказал своей дочери:

— Возвратимся в наше государство, дочь моя, чтобы я мог перерезать тебе шею, по решению моего королевского сердца, за то, что ты произнесла имя Навуходоноссора, моего врага, свергнувшего меня с престола семь лет тому назад. Если отец покаялся перерезать шею своей дочери, он должен сдерживать клятву, иначе будет ввергнут в преисподнюю, куда я вовсе не желаю отправляться из-за тебя.

— Дорогой отец,—отвечала принцесса,—идите резать шен, кому вам угодно, только не мне. Мы находимся на территории Изиды, Озириса, Гора и Аписа. Я не расстанусь со своим белым быком и буду целовать его всю дорогу, пока не увижу его апофеоза на большом скотном дворе святого города Мемфиса. Это моя слабость, простительная благородной девице.

Едва произнесла она эти слова, как Апис вскричал:

— Дорогая моя Амазида, я буду любить тебя всю мою жизнь!

— Сорок тысяч лет египтяне поклонялись Апису, но никогда еще бык не говорил.

— Семь лет свершилось!—воскликнул змей и ослица и три сороки повторили:

— Семь лет свершилось!

Все священники Египта подняли руки к небу.

В то же время собравшиеся заметили, что бог потерял две передние ноги, а его задние ноги превратились в человеческие. Из плечей вышли две полные, мускулистые руки, а бычачья морда заменилась очаровательным лицом героя. Словом, он

опять стал прекраснейшим из людей и сказал:

— Я предпочитаю любить Амазиду, чем быть богом. Я—Навуходоносор, царь царей.

Эта метаморфоза удивила всех, кроме развешивающего Мамбреса, но что не удивило никого, так это немедленное бракосочетание Навуходоносора с Амазидой при громадном стечении публики.

Он сохранил своему тестю трон Таниса и пожаловал значительные ренты ослице, змею, собаке, голубю и даже ворону, трем сорокам и рыбе, доказав всему свету, что, торжествуя, он умеет прощать. Старуха тоже получила крупную пенсию. Козел отпущения был отослан на сутки в пустыню, чтобы искупить все прошлые грехи, после чего ему дали в вознаграждение двенадцать коз. Мудрый Мамбрес возвратился в свой дворец размышлять. Обняв его на прощанье, Навуходоносор стал мирно царствовать над Мемфисом, Вавилоном, Дамаском, Бальбеком, над Тиром, Сирией, Малой Азией и Скифией, над странами Шираса, Мозака, Гога и Магога, над Бактрией, Явой, Индией и островами.

Народы этой монархии кричали каждое утро:—Да здравствует великий Навуходонсор, царь царей! Он перестал быть быком!

С тех пор установился обычай в Вавилоне: каждый раз, когда монарх, грубо обманутый своими сатрапами, магами, казначеями или женами, сознавал, наконец, свои заблуждения и исправлялся от своего дурного поведения, народ Вавилона кричал у его ворот:—Да здравствует великий государь, который перестал быть быком.

Перев. с франц. В. И. Засулич.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Предисловие Ф. Батюшкова . . .	5—17
Глава первая. О том, как принцесса Амазида встретила быка . . .	19—25
Глава вторая. О том, как мудрый Брес, отставной волшебник фараона, узнал старуху и был ею узнан . . .	26—32
Глава третья. О тайном собеседовании очаровательной Амазиды с прекрасным змеем . . .	33—44
Глава четвертая. О том, как собиравались принести в жертву быка и изгонять бесов из принцессы . . .	44—50
Глава пятая. О том, как мудро поступил мудрый Мамбрес . . .	51—59
Глава шестая. О том, как Мамбрес встретил трех пророков и угостил их хорошим обедом . . .	60—65
Глава седьмая. О прибытии короля Таниса, решившего принести в жертву свою дочь и быка . . .	65—67
Глава восьмая. О том, как змей, чтобы утешить принцессу, рассказывал ей сказки . . .	67—70

Глава девятая. Почему змей не утешил ее	76—76
Глава десятая. О том, как наме- ревались перерезать горло принцессе и не перерезали	76—79
Глава одиннадцатая. О том, как принцесса соединилась узами брака со своим быком	80—84

Перев. с франц. В. И. Засулич.

